

редакция писала суeta. миками и зная телефоны. сердце под пазух разоблаченный мял стоабы газетного виста.

И. На завтра жаркий выдача денек на фабрике «Республика Советов». На завтра неказистая газета.

Когда подагра не мучила. В минуты легкой радости, когда граф чувствовал, что он сыт, здоров, не пресыщен, когда подагра не мучила...

Своими камнями, клали стены. Своими камнями, клали стены, возводила беса. Радовался бог христианский. Ликовала в восторгах.

Гастроли «Красного Факела». «Сверчок на печи» поставлен и разыгран, как возможно точнее репродукция постановки этой пьесы в 1 Студии Худож. театра.

Скорее снять доносчика со света, Пока до дня разведать не сумел. Кто-б мог писать? Кого-б не припугнула Начальства гнев и роковой рассчет?

Фабкому сообщая вечером Решение заводоуправления. Весь вечер шли взаимовыгодные пренья, Весь вечер шумно заседали фабком.

На фабрике—опять переполох. Опять письмо гремящее в газете. Распуханы обдуманные сети, Разоблачен до тонкости подвох.

Потом, стонами, болью. Потом, стонами, болью пропитались стены, камни стен. А под куполом ведро реяли горе, вздохи, что рвались из тысячи грудей.

За всех царей. Николай 1-ый был жесток. Ненавидел евреев. Таков был его премирник. И премирник премирника. Вся жизнь была большой темницей.

По городу ползет за слухом слух. Составлен текст шифрованной депешки, И телеграф в Москву ее стучит.

Фабричный клуб сегодня освещен. По стенам ярко убраны портреты, И в волнах электрического света Свергают смело лозунги знамен.

На фабрике—опять переполох. Опять письмо гремящее в газете. Распуханы обдуманные сети, Разоблачен до тонкости подвох.

Луч света. Сюда прорывался молодой, играющий луч. Те, кто сбросил с себя очарование графской темницы, те вступали в бой с врагом.

Сегодня... Сегодня широко распахнутся двери старой синагоги. Бодрая песнь разбудит старые стены: «Вставай, проклятым злейший мир!»

медя—блестящая пародия на человеческую важность и глупость. Вся пьеса—от калысон на Тристане и до последних слов в публику—проведена в прекрасном театральном ритме и стиле.

Последние два спектакля—Океан и Победа смерти—опять в новом стиле, опять трансформация. Эторация пора условного, символического театра.

В постановке хорошо была показана одна сторона—берег. Все береговые фигуры, самый дух берега был передан.

Настал день иной. Пришли красные дни, напоенные жаждой жизни иной. Ненависть выплыла из берегов и хлынула потоком.

Беседа с руководителем «Красного Факела». Мне представляется интересным опубликовать беседу с В. К. Татищевым, режиссером и руководителем этого молодого театра, вызывающего, кажется, единодушный интерес у всех.

Победа смерти—спектакль простой, сухой и очень трудный. Почти не люди играют пьесу Сологуба—простой рассказ о любви и смерти служанки, выдавшей себя за королеву.

Вот, сколько бы ни подтрунивали товарищи по газете над «взаменационной точностью критического взгляда», критика должна быть точной.

Вот, сколько бы ни подтрунивали товарищи по газете над «взаменационной точностью критического взгляда», критика должна быть точной.

Беседа с руководителем «Красного Факела». Мне представляется интересным опубликовать беседу с В. К. Татищевым, режиссером и руководителем этого молодого театра.

В составе группы большинство—молодые и начинающие театральную деятельность артисты. Сам я был режиссером и работал в Москве в нескольких театрах—у Юрча, у Цезобина, в студии Художеств. театра (театрон), в Theatre Comedien и Драмат.

Вот и вся беседа. Рассветается. Что нового узнал я, чем мог бы поделиться, о театре? У этого человека с которым я разговаривал (хотя мы говорили более чем обдуманно, просто и по делу),—лицо, взгляд и тон влюбленного в театр. Но разве самый нечувствительный зритель мог не разгадать это сразу, не почувствовать на первом же спектакле, что перед ним не профессионализм, отбывающее «свое служебное» (я службу в «Гомеле...»).